

УДК 821.161.1-192
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-45
Код ВАК 10.01.01
ГРНТИ 17.07.41

Д. О. СТУПНИКОВ

Москва

**ОТ ЗВЕЗДОПАДА ДО ПРЕКРАСНОГО ДАЛЁКА
(ПЯТЬ ЗАВЕТНЫХ ОБРАЗОВ-СИМВОЛОВ
СИБИРСКОГО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПАНКА)**

Аннотация. В статье рассматриваются пять ключевых мотивов поэзии Егора Летова и его соратников: звездопад, земляника, навсегда / не-навсегда, прошлогодний снег, прекрасное далёко. Анализ этих образов-символов позволяет установить границы понятия «сибирский экзистенциальный панк» и определить отличительные черты идиостиля его представителей. Кроме того, впервые прослеживается связь этих лейтмотивов у поэтов круга Егора Летова с христианским вероучением.

Ключевые слова: сибирский панк, экзистенциальный панк, символика, идиостили, постмодернизм, футуризм, поэтическое творчество.

Сведения об авторе: Ступников Денис Олегович, кандидат филологических наук, руководитель тематических разделов «Музыка» и «Кино» мультипортала КМ.RU.

Контакты: 127549, Москва, ул. Пришвина, дом 8, стр. 1; kubovitch@mail.ru.

D. O. STUPNIKOV

Moscow

**FROM STARFALL TO DREAMLAND
(THE FIVE CHERISHED SYMBOLS
OF EXISTENTIAL SIBERIAN PUNK ROCK)**

Abstract. This article explores five key motives of Egor Letov poetry and his associates: Starfall, strawberry, forever / never forever, last year's snow, dreamland. Analysis of these symbols allows to set the boundaries of the concept of «existential Siberian punk rock» and identify the distinctive features of representatives idiom. This study for the first time also shows a correlation of these leitmotifs in the circle of poets Egor Letov with Christian doctrine.

Key words: Siberian punk, existential punk, symbolism, idiom, myth, postmodernism, futurism, poetry.

About the author: Stupnikov Denis Olegovitch, PhD of Philological Science, chief editor of the sections Music and Movies at web-zine КМ.RU

«Мы выросли в поле такого напряжения, где любое устройство сгорает на раз» [5, с. 46]. Эти строки Бориса Гребенщикова вполне применимы и к

творчеству Егора Летова. По крайней мере, последний вполне мог размашисто под ними подписаться – хотя бы потому, что вдохновенно перепел «Электрического пса» в 2004-м. Такие, как Летов, вряд ли всерьёз прислушиваются к дружескому пожеланию «береги себя». Они сгорают без остатка, щедро даря тепло и свет окружающим.

Как бесконечные звёздные дали,
Мы бы на яркость людей проверяли.
Прав лишь горящий, презревший покой,
К людям летящий яркой звездой... [7]

Так заканчивается песня Александры Пахмутовой и Николая Добронравова «Звездопад», изначально написанная как ода советскому детскому лагерю «Орлёнок». Без наивного куплета о неповторимости лагерных смен её чопорно исполнял ВИА «Аккорд», демонстрируя роскошные певческие возможности двух вокалистов и двух вокалисток. Летов перепел «Звездопад» в одноимённом альбоме «Гражданской Обороны» 2002 года, и от благодушной расслабленности первоисточника в его версии не осталась и следа.

О недостижимой звезде Альтаир, пойманной мещанскими сетями «привычных квартир», он поёт со снисходительной грустью, а смысловым центром в его интерпретации становятся «дальних миров позывные», которые сразу заставляют как-то внутренне собраться и встрепенуться. Вместо пресыщенного обывательского счастья (когда «желанье придумать не просто» именно потому, что всё необходимое уже вроде как есть) здесь самоотвержение, когда собственные чаяния уже неуместны и не так важны перед неким общим делом.

Летов, конечно, отталкивается от советского первоисточника, ему, безусловно, важен содержащийся здесь дух самоотвержения, героизма и взаимовыручки. Но при этом он сообщает тексту метафизический смысл – и даже как-то верится, что «орлята» из обитателей престижного пионерлагеря превращаются в его подаче в ёмкий символ, очищенный от всего бытового, наносного и случайного. Орёл традиционно символизирует небесную силу, творческую мощь и несокрушимую победу. Однако у Летова в его кавер-версии на «Звездопад» на передний план выходит духовное обновление. В древности считалось, что орёл время от времени полностью меняет своё оперение и радикально омолаживается, поэтому мудрецы связывали его с перерождением. Например, следы этого верования можно найти в Псалтыри: «Обновится яко орля юность моя» (Пс. 102:5). Сравним это со словами «мы оставим на память в палатках эту песню для новых орлят».

Толкование приведённого отрывка из Псалтыри находим у сербского богослова Досифея Хилендарца: «По еврейскому толкованию орёл - это долговечная хищная птица, которая в определённых условиях может достичь и 70-летнего возраста. Но, когда орлу исполняется 40 лет, он должен принять одно очень сложное решение. Его когти становятся длинными, теряют свою гибкость, и поэтому орёл не может схватить добычу. Также

длинный и острый клюв становится слишком кривым, и хищник не в состоянии расчленивать свою добычу, а крылья становятся тяжелыми, потому что вырастают густые перья и прилипают к груди, поэтому орел может летать с трудом. Тогда у орла остаются две возможности. Либо умереть, либо пройти через болезненный процесс замены, который продолжается 150 дней. Этот процесс требует от орла взлететь на вершину горы и оставаться на ней в этот период. Там орёл бьёт клювом об скалу, пока не оторвёт себе клюв. Затем ждёт, пока у него отрастёт новый клюв, а потом клювом отрывает свои когти. Когда у него вырастают новые когти, он выщипывает старые перья. После пяти месяцев орёл восстанавливается и может жить ещё 40 лет. Сравнивая духовное возобновление с орлом, пророк Божий говорит о болезненном процессе преобразования души» [10].

Ни для кого не секрет, что русский рок насквозь символичен. Все эти орлы, волки, мухи, звёзды, зеркала, поезда наследуются в готовом виде из общепринятой мифологии (или же усваиваются художниками подсознательно – в форме архетипов) и становятся составной частью художественного произведения. Да, при этом они неизбежно обрастают новыми авторскими значениями, но, по большому счету, интеллектуально подготовленный читатель, встретив их в тексте, должен испытывать *радость узнавания*. Если Платон сравнивал творчество с охотой (что было близко Летову, который сам неоднократно говорил об этом в интервью), то процесс усвоения символов читателем можно сопоставить с удачной рыбалкой. Ведь самый главный символ (по крайней мере, для европейской культуры, насквозь пропитанной христианством) – это рыба, являющаяся анаграммой Иисуса Христа.

Сибирские экзистенциальные панки привыкли путать следы. Поэтому им просто неинтересно припасать наживку в виде заранее заготовленного символа. «А под водой незнакомые рыбы клевать не хотят, а хотят понять» [23], – не об этом ли пел в своей песне «На берегу» один из гитаристов «Гражданской Обороны» Евгений «Махно» Пьянов? Важно искать, допытываться, сомневаться, доходить до понимания самому – и только после этого доселе «незнакомые» люди (тоже что-то открывшие для себя) могут стать тебе близкими по духу соратниками. Не исключено, что улов будет тем же, что и в случае оперирования традиционной символикой, но к месту рыбалки необходимо прийти заповедными тропами, а не проторёнными мировой культурой дорожками.

Не потому ли самые заветные символы Егора Летова и его последователей лишены статики и строго зафиксированных значений? Если это звёзды, то падающие, летящие, активно действующие, пронзающие пространство и время, пребывающие в компании себе подобных. Если это снег, то тоже падающий – да ещё и прошлогодний. Ну и так далее. К тому же, как правило, такие символы имеют неразрывную генетическую связь с советской культурой, которая всегда была для музыкантов летовского круга мощной питательной средой. Предлагаем к рассмотрению пять из них: *звездапад*, *земляника*, *навсегда/навсегда*, *надал прошлогодний снег* и *прекрасное далёко*.

Звездопад. «Как свет, сияющий в темноте, звезда является символом духа, сил света, борющихся против мрака» [11, с. 174], - сказано в «Словаре символов» Хуана Кирло. Нетрудно догадаться, что падающая звезда означает нечто противоположное – вспомним хотя бы низверженного с неба павшего ангела, наследовавшего ад! И хотя в упомянутой пахмутовской песне утверждается «Звездопад, звездопад... Это к счастью, друзья, говорят» [7], Летов о счастье имел весьма своеобразные представления, кардинально отличающиеся от общепринятых. Ю. В Доманский отметил, как вслед за Шпаликовым лидер «Гражданской Обороны» утверждал, что «человек не может быть счастлив; о счастье он может лишь мечтать, лишь надеяться на “долгую счастливую жизнь”»; но мечты эти несбыточны, надежды оказываются иллюзиями; в прошлое же, где человек, как он полагает, был счастлив, возврата нет» [8]. В эпоху наделения символов первичным значением люди наверняка испытывали перед звёздным дождём смесь священного трепета, животного ужаса и ожидания немедленного конца света. Апокалипсис – через аллюзии на Звезду Полюнь – описан в песне «Гражданской Обороны» «Энтропия» (1988) в схожих тонах, притом с первобытной грубостью и прямолинейностью:

Скоро звёзды башкою оземь
Будем жрать себя изнутри [14, с. 43]

Однако не нужно забывать, что согласно главной заповеди мирового панк-рока, чем ниже ты упадешь, тем выше имеешь шанс подняться. Движение вспять начинается у Летова в песне «Отряд не заметил потери бойца», написанной всего два года спустя после «Энтропии»:

Глупый мотылёк
Догорал на свечке
Жаркий уголёк
Дымные колечки
Звёздочка упала в лужу у крыльца...
Отряд не заметил потери бойца [14, с. 12]

Мы имеем дело с образчиком так называемой «суггестивной лирики», соответственно, текст практически целиком построен на неких абстрактных антитезах, и конкретный исторический контекст реконструировать здесь практически невозможно. Показательно, что строчка «отряд не заметил потери бойца» позаимствована из баллады Михаила Светлова «Гренада», которая задумывалась как слово в защиту романтической революционной поэзии, а отнюдь не отклик на какие-то реальные события. Упоминание об упавшей с неба звёздочке, возможно, отсылает к простонародным частушкам, вроде «С неба звёздочка упала / Прямо милому в штаны. / Пусть бы всё там разорвало - / Лишь бы не было войны!» Её нередко использовали в игровом или пародийном ключе многие наши рок-музыканты: достаточно упомянуть Вячеслова Бутусова («Звёздочка»),

«Алису» («Ганец на палубе тонущего корабля») и «Объект Насмешек» («Любер-юбер» - «С неба звёздочка упала прямо люберу на нос – вся Германия узнала, что у Гитлера понос»¹).

Частушка об упавшей с неба звёздочке звучит и в военной кинодраме Игоря Таланкина «Звездопад» (1981). Сниженный контекст цитаты вступает в противоречие с возвышенной семантикой заглавного символа, одновременно означающего крушение надежд героев и невозможность сохранить любовное чувство в военное время². В свою очередь, одним из литературных источников фильма является одноименная повесть Виктора Астафьева, где символика звездопада связана также с пограничным состоянием раненого бойца: «Но неведомая сила внезапно вздымет тебя с операционного стола и бросит куда-то в бесконечную темноту, и летишь в глубь её, как звёздочка в осеннюю ночь. Летишь и видишь, как гаснешь» [2].

В отличие от Астафьева, Егор Летов воспринимал войну не как абсолютное зло, а как «истину бытия, подлинное состояние мира, праздник, свободу» [13]. Поэтому музыкант подверг цитаты из «Гренады» и из частушки радикальной перекодировке. Упавшая с неба в лужу звёздочка им понимается не как несколько сниженный маркер пацифистских настроений, а как героическая жертва, которую, увы, никто не заметил в силу своей инертности и ограниченности кругозора. Именно поэтому во втором куплете жертва кажется напрасной, поскольку чуда после неё не происходит, и мир остаётся таким же, как и был.

Финал, как это часто бывает у Летова, парадоксален: продолжая сохранять предельную абстрактность контекста, поэт довольно хаотично перечисляет некие эпитеты в превосходной степени (не было родней, красивей, больней и счастливей). И тут мы понимаем, что подлинное противопоставление в песне идёт не по привычным бинарным оппозициям (второй куплет в этом плане направляет слушателя по ложному следу), а по принципу равнодушие/повышенная восприимчивость. Только так можно преодолеть косность материального мира, упразднить конечность человеческого бытия и наследовать вечность. В манеру исполнения Летов также привнёс эмоциональную окраску: песня с неторопливыми гитарными переборами и плавно текущим повествовательным текстом демонстративно начинается с сокрушенного вздоха.

Диссонанс между материальным и духовным началом лежит в основе песни Владимира Селиванова из минской группы «Красные Звёзды» «Звездопад» [26]. Главная дилемма заложена уже в первой строчке «глина под ногами

¹ Цит. по фонограмме альбома «Объекта насмешек» «Гласность».

² Символику звездопада в фильме Таланкина и повести Астафьева проще понять, обратившись к песне Бориса Гребенщикова «Древняя кровь»: «Если падают звёзды – подставишь ли ты им ладонь?» [5, с. 244]. Здесь видим «милость к падшим», которая обычно у экзистенциальных панков не педалируется, хотя так или иначе присутствует имплицитно.

превращается в пыль»¹: из совершенного материала, из которого Бог сотворил Адама, глина обращается в бренный прах земной, попираемый ногами. Так что весь трагизм первородного грехопадения здесь ёмко выражен буквально в пяти словах. В припеве о драме, произошедшей в Эдемском саду, напоминает гротескная фраза «раздувшиеся руки принимают плод».

В дальнейшем идёт нагнетание мотива материи, бесстыдно заполняющей собою весь мир («пузыри полированных дней», «тройные подбородки, заплывшие жиром»). Во втором рефрене разлад между Господом и человеком переносится в социальную плоскость (упоминание о забытых мозгах «испуганных правителей»). И «верхи», и «низы» оказываются в одной порочной упряжке, разорвать которую могут лишь самоотверженные действия искалеченных участников народного сопротивления («Молодая гвардия», тянущая к небу костыль).

Расслабиться и окончательно погрязнуть в трясине сугубо житейских забот, человеку не даёт, исходя из содержания песни, «звездопад». Означаемое данным символом реконструировать не проще, чем в летовской «Отряд не заметил потери бойца». Но совершенно очевидно, что речь идёт о каком-то из ряда вон выходящих событиях, которое повторяется регулярно и требует от наблюдателя максимальной мобилизации внутренних ресурсов. Немного проясняют ситуацию комментарии самого Селиванова, который трактует название «Красные Звёзды» как нечто притягательное, угрожающее и неотвратимое, а концепцию своей группы как «героика на грани распада». Вряд ли ошибёмся, если автоматически применим эти семы и к символу «звездопада».

В 2006 году Владимир Селиванов объявил о роспуске «Красных Звёзд» и создании группы «ЧЕТЫРЕ», взявшей курс на коммерческие стратегии. Первый же выпущенный новой формацией сингл «Точки» содержал «Звездопад» с примодненной аранжировкой и кардинально переосмысленным текстом в духе танцевального хита «Страху Нет» группы «Мумий Тролль». Понятие «звездопад» теперь декларативно связывалось с расПАДом «Красных Звёзд», а прочие смыслы редуцировались, ведь «прошлое закончилось – закрой за ним дверь». Слушая эту песню, реципиент так и представлял себе зеркальный крутящийся шар, проецирующий на стены дискотеки разноцветные «звёздочки» кислотных оттенков. Что поделать, последователи Летова научились у него прыгать выше своей головы и бросаться в крайности, постоянно уходя от любых попыток классификации. Таким образом, «Звездопад» на определенном этапе для Селиванова синонимом беспредельной (или запредельной) творческой свободы, порою граничащей с безответственностью.

Эта же творческая свобода привела Селиванова к полемике с собственным соавтором Владимиром Ареховским – создателем минской группы

¹ Текст «Звездопад» группы «Красные Звёзды» цитируется по буклету CD-издания альбома «Смершевы песенки» (2009) [26]. Остальные тексты Владимира Селиванова цитируются по фонограммам.

«Северное Сияние». «Творчество Летова имеет закрытый характер, оно не предусматривает никакого диалога: автор констатирует, и весьма своеобразно, те или иные факты бытия, не заботясь о том, как отнесутся к этой констатации реципиенты» [18, с. 204], - пишет Анна Новицкая в статье «Концепт веселья в творчестве Егора Летова». А Селиванов и Ареховский, в отличие от своего предшественника, используют совместный текст «Последнее лето детства» как полигон для полемики.

Изначально в версии «Северного Сияния» звездопад упоминался в декоративно-кукольном контексте:

Видишь, падает звезда
Ни к чему она, когда
Звёзды - это только лишь штрихи на погонах [1]

Лирический субъект у Ареховского принципиально не хочет взрослеть. В глаза бросается его пассивная позиция по отношению к метаморфозам внешнего мира. В последнем куплете он так и не выходит из своего уютного инфантильного мирка, удовлетворяясь признанием сказочного зеркальца о том, что «правды нет на всем белом свете». Владимир Селиванов в своей интерпретации заменяет благодушный куплет о зеркальце хлёстким выводом:

Твои слёзы мокрый лёд
Умер твой любимый кот
Только его небо никогда не примет
Посмотри на звездопад
Пал бесславно наш отряд
Ну а мы с тобой ещё легки на помине

В этом чувствуется эдакая дружеская отповедь. Мол, довольно рефлексии и сантиментов (недаром «добрые игрушки» везде заменены в припевах на «старые»). Всё равно то, что тебе было дорого в детстве, не имеет никакого значения для вечности, так же как кот не наследует Царствия Небесного. Лучше оглянись вокруг, встряхнись и найди повод для дерзновенного порыва. Ведь кроме тебя никто не пополнит наши реденеющие ряды, потому что нас и так становится меньше с каждым днем. Так «Звездопад» наконец-то обретает у Селиванова конкретное семантическое наполнение, символизируя души ушедших друзей, которые покинули этот мир раньше времени (по разным причинам, в том числе – и из-за суицида), и теперь подают нам знак из иного мира, что нужно стиснуть зубы и продолжать начатое.

Неожиданным образом «ПЛД» в селивановской редакции перекликается здесь с песней «Смысловых Галлюцинаций» «Звездопад». Кому-то эта параллель наверняка покажется странной и надуманной, но Летова достаточно сильно повлиял на творчество «глюков». Скажем, песню «Повесить в одно» из фильма «Стрелы Робин Гуда» они исполнили на альбоме «Акустическая юность» под влиянием именно летовской кавер-версии,

записанной для проекта «Коммунизм», кроме того, для трибьюта «ГО» они записали проникновенный вариант программной «Моей обороны». Вот что рассказал нам о «Звездопаде» сам Сергей Бобунец: «“Звездопад” получился очень светлым по звучанию, но депрессивным по сути, потому что смысл названия – это люди, выпадающие из окон. Остановите звездопад, в общем! Песня вышла очень странной, ошарашивает с первой же фразы: “Греет душу чужое горе”. Такое могли написать (да ещё потом и вставить в песню!) только сумасшедшие панки. Она совсем не совместима с идеалами добропорядочного человека» [29].

Целым букетом смыслов наделен звездопад в песне актюбинской «Адаптации» «Так горит степь» [9, с. 31-32]. При этом доподлинно невозможно определить, какой из них доминирует. Лидер группы Ермен Ержанов творит сложную и мозаичную картину «заколдованного таинственного мира», где люди фатально разобщены: они «попрятались в потёмках» квартир, их дети «мёрзнут в озверевшем лесу, потерявшие себя и друг друга», а вернувшихся с поля битвы героев едва ли не живо хоронят «на пустых площадях» (аллюзия на братские могилы?). Одним из немногих знаков со знаком плюс здесь выступает степь, которая для живущего в Северном Казахстане Ермена является приметой Родины. Однако степь в тексте песни оказывается уничтожена огнём, и это можно понимать как экспансию чуждых капиталистических ценностей (Ержанов известен своими антиглобалистскими взглядами). На этом фоне трудно дать звездопаду какую-то однозначную трактовку, но он в контексте песни противопоставлен «норам и щелям», которые характеризуются через эмоционально окрашенное слово «глазели». А значит, звездопад по принципу контраста априори относится к чему-то возвышенному. Одновременно это и предупреждение о грядущих испытаниях, и ободрение свыше, помогающее эти испытания пережить. Не исключено, что именно звездопад сжигает степь, но для того, чтобы на пепелище взрастить нечто принципиально новое.

Обратим внимание на ещё одну примечательную деталь текста Ермена Ержанова – экспрессивную игру слов «а здесь судорогой сводило мость». Мост связывает дольный и горный миры – то есть это гипер-символ, который как бы описывает сам себя, обнажая собственную природу. Пояснение «судорогой» указывает на то, что эта связь устанавливается мучительно, болезненно, ценой высочайшего напряжения сил. И это тоже очень по-летовски...

Итак, упрощенно говоря, звездопад в сибирском экзистенциальном панке – это символ персонального апокалипсиса или смерти (не всегда героической, но ведущей либо к перерождению погибшего, либо к радикальному изменению образа жизни и программы действия для тех, кто пока еще остался на Земле).

Земляника. Выше мы уже обмолвились о том, что у поэтов летовского круга символ редко используется в рафинированном виде, а предстаёт как сложный понятийный комплекс, который растёт извне, как снежный ком от

постоянно наслаивающихся значений. Так, у группы «Красные Звёзды» в песне «Дорога в никуда» появляется параллель между звездой и земляникой:

Широка дорога в никуда
По полям, просторам, по илистым толям
Земляника зреет, как звезда
Земляника ждёт налиться кровью

Сочетание символики звезды и земляники в католической традиции происходит через образ Девы Марии¹. Земляника считалась одним из семи растений, украшавших Сад Богородицы. «Согласно старой традиции, землянику считали райской пищей спасённых, особенно душ умерших детей, которых Матерь Божья водила в рай собирать землянику. Гимн на повечерие в часах к Непорочному Зачатию называет Марию “ясной Звездой Моря”², “Утренней Звездой”, “Портом тонущих”. Эти имена были использованы, чтобы подчеркнуть роль Марии, дающей надежду (“грешникам надежда, грешникам прибежище”))» [3].

Красный цвет земляники, очевидно, смыкается с идеей жертвы, что подчёркивается и в селивановской «Дороге в никуда». А поскольку ягода покорно «ждёт налиться кровью», то здесь появляется ещё и сема смирения, что тоже свойственно традиционному значению данного символа. Жертва, смирение, «дальних миров позывные» - всё это атрибуты христианских мучеников. Недаром во втором куплете упоминается «кровь с молоком». Вспомним, например, о римском мученике Вонифатии, из тела которого, согласно церковному преданию, после казни излилась кровь, смешанная с молоком. Это знак особой отмеченности свыше, Божественной благодати. В «Дороге в никуда» о таких вещах говорится открытым текстом:

Когда небо низко – подать рукой
Когда небо близко – это благодать

Лишь на первый взгляд упоминание об «алом знамени вселенской победы» профанирует сакральную символику, переводя её в пресловутую политическую плоскость. На деле же эпитет «вселенская», окружённый христианскими символами, можно трактовать вслед за видными богословами как указание на Вселенскую Церковь. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) в своих «Беседах на Евангелие» обращал внимание на то, что во времена Христа словом «Вселенная» называлась Римская империя, а потом постепенно оно стало использоваться для обозначения христианских общин [25, с. 76-77]. Да и поднимаемое вверх знамя может обозначать приоритет духовного начала перед материальным.

¹ Не забываем, что участники «Красных Звёзд» живут в Белоруссии, где католические традиции исторически не менее сильны, чем православные.

² Влияние этой концепции на песню Бориса Гребенщикова «Stella Maris» ещё ждёт своего исследователя.

Тем не менее не будем забывать, что у панков векторы движения вверх и вниз относительно и взаимозаменяемы. Недаром из всех возможных ягод Селиванов отдал предпочтение именно землянике, которая зревает под солнечными лучами, но при этом клонится к земле, от которой и получила своё название. В этом выборе красноречиво проявились почвеннические устремления представителей экзистенциального панка. В песне «Красных Звёзд» «Земляника» заглавный образ становится последним, что ещё осталось на выжженной войной земле:

Всё, что было дёгтем, да намазано на хлеб
Мы ещё просрали в позапрошлую недельку
Всё, что было бережно уложено под снег
Давно переварилось в чебурашкин сон

Чтобы отстоять рубежи своей Родины, герой вынужден принести в жертву самое дорогое – то, что было ближе всего к земле («чтобы не достануть врагу земля, на... топчи землянику»). Этот закон работает как в историческом разрезе (вспомним, как русским пришлось обойтись с Москвой в 1812 году!), так и в духовном плане (ср. со словами Спасителя из Евангелия от Марка (8:35) «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет её»).

Небольшое отступление. Упоминание о землянике в явно сниженном контексте встречаем у Бориса Гребенщикова в «Генерале Скобелеве» [5, с. 284]: «И руки его были до локтей в землянике, а, может быть, по локоть в крови». Учítывая, что исторический Михаил Скобелев скончался во время визита к куртизанке, ягода здесь может выступать символом греховных чувственных наслаждений (отсюда же гротескный образ острова женщин, куда попадает у БГ сновидческий генерал). Параллелизм пролитой в бою крови и земляники, на первый взгляд, сближает БГ с экзистенциальными панками, но вряд ли идиома «по локоть в крови» может нести в себе нечто героическое. Таким образом, специально исследовать символику земляники у БГ нет особого смысла ввиду её вспомогательной функции. Аналогично и у соавтора Гребенщикова Джорджа Гуницкого:

И даже драхма, старый бог,
Здоровьем стал на редкость плох:
Все потерял свои он лики
И гонит спирт из земляники. [6]

Не то у соратников Егора Летова. Мучительное обретение подлинной Родины через самопожертвование последовательно отражено в альбоме «Флаг» сборной команды сибирского панка «Последний патрон», состоящей из гитаристов «Гражданской Обороны» и «Инструкции по Выживанию», а также тюменского поэта Владимира Богомякова, читающего между песнями свои стихи. Земляника ни в одной из песен напрямую не упоминается, но

зато на обложке красуется целая горсть этих ягод в раскрытой ладони. Расположенная по соседству надпись «Флаг» как бы намекает на то, что вот оно – единственное знамя, которое стоит удерживать в руке до конца!

Первая половина диска – это нагнетание деструктивных настроений человека, который ощущает себя чужим на собственной земле. Его не способны всколыхнуть ни уличные битвы с ОМОНОм, ни созерцание сверхъестественных явлений, ни даже с встречи с близкими по духу лидерами патриотических движений. И лишь обнаруживая себя на поле битвы под градом пуль, он через подвиг приобщается к вечности и своей Небесной Родине:

Наше имя в землю брошено
Прорастет травой некошеной
Расцветет веселой радугой
Навсегда¹

Итак, земляника символизирует праведность и смирение, а также добровольную осмысленную жертву, благодаря которой происходит стяжание Духа Святого и обретение Небесной Родины.

Навсегда / Ненавсегда. Анализ символики земляники немислим без упоминания о культовом фильме Ингмара Бергмана «Земляничная поляна» (1957). Заглавный образ связан у шведского режиссера с неким пограничным опытом, который одновременно обусловлен заветными детскими впечатлениями и предчувствием скорой смерти. Десять лет спустя после выхода фильма появился сингл The Beatles «Strawberry Fields Forever» («Земляничные поляны навсегда»), навеянный детскими воспоминаниями Джона Леннона и его же психоделическими экспериментами. Земляничные поляны упоминаются и в стихотворении Егора Летова «Они (Резвые)» из последнего альбома «ГО» «Зачем снятся сны» (вокал – Наталья Чумакова):

Совершали нелепые подвиги и драгоценные глупости
Безрассудно и смешно
Обретали/открывали
Земляничные поляны и иные точки зрения
Отдыхали на ветвях мирового древа
Созерцали невероятные приключения неуловимых
на планете обезьян [15, с. 52]

Как и «Отряд не заметил потери бойца», стихотворение содержит в сильной позиции цитату из советского песенного наследия. На сей раз использована строчка «и неба было мало, и земли» из песни Арно Бабаджаняна и Роберта Рождественского «Свадьба». С одной стороны, эта аллюзия сразу сообщает песне метафизическое измерение, предвосхищая появление в стихотворении упоминание о Мировом Древе, соединяющем верхний и

¹ Цит. по фонограмме песни «Над полями да над чистыми» из альбома «Флаг» группы «Последний патрон».

нежные миры (см. также обложку альбома «Звездопад»). С другой – благодаря цитате появляется ностальгическая тональность. Исходя из этого, «земляничные поляны» у Летова являются дверью в иное измерение, где человек обретает полноту бытия и истинное предназначение (в отличие от прочих обитателей «планеты обезьян», погрязших в сугубо материальных заботах). В это можно усмотреть переключку с ленноновской «Strawberry Fields Forever»: «Мне кажется, нет людей, принадлежащих к моему дереву».

В песне ментально близкого Егору Летову ковровского рок-барда Александра Непомнящего «Земляничные поляны навсегда» [17, с. 116-117] к бергмановским и ленноновским смыслам подключается ещё и «Снежная Королева» Ханса Кристиана Андерсена. На записи «Квартирник с Калугиным у Радагаста» 2000-го года музыкант поясняет, что задумал песню как полемику с философом Александром Дугиным, считавшим избавление мальчика Кая от чар владычицы ледяного чертога неудавшейся инициацией. Следом автор признаётся, что ориентировался тут скорее на «Герду» «Инструкции по Выживанию», где героиня освобождает своего друга от власти Люцифера. С учетом данного комментария символ «земляничных полян» у Непомнящего оказывается амбивалентным. Они скрыты под снегом от взора людей злой колдовской силой, но при этом как бы бережно сохраняются в законсервированном состоянии до Второго Пришествия Христа, на которое намекают отсылающие к Апокалипсису строчки «Алые лучи, рассветные лучи совсем иного неба, совсем иной земли». Столь же амбивалентным оказывается и понятие «навсегда», одновременно указывающее на невозможность пробиться к истине собственными усилиями и вневременной характер Истины, которая есть Христос.

Движение от сковывающего льда людских отношений к запредельной вечной весне прослеживается в песне «ГО» «Радуга» («Забота у нас такая»). Вновь камертоном здесь служит интертекстуальная отсылка к советской песне «Забота у нас такая» (проявляющаяся правда, не в самом тексте, а лишь в названии – но зато тоже в сильной позиции). Песня создавалась поэтом Львом Ошаниным и композитором Александрой Пахмутовой для фильма Виктора Кина «По ту сторону» - о борьбе с белыми бандами в 20-х годах на Дальнем Востоке. Изначально Ошанин сочинил нечто бравурное, но Пахмутова написала лирическую мелодию, которая плохо совмещалась с громкими призывами. Тогда поэт переделал текст, убрав из него глаголы в повелительном наклонении и заменив их на универсальные обороты о становлении личности («меня мое сердце в тревожную даль зовёт», «пока я дышать умею, я буду идти вперёд» и т. д.).

По аналогичному алгоритму выстроена «летовская» «Забота у нас такая» [14, с. 489]. Унылый зимний городской пейзаж здесь сменяется солнечным пространством мифа, где текут подземные молочные реки и «стережёт своих гостей теремок». Лейтмотивом через всё стихотворение проходят упоминание о радуге и апреле, что, в принципе, закономерно, поскольку радуга традиционно символизирует завет человека с Богом, а апрель – это месяц, на который чаще всего выпадает православная Пасха. Видимо, этот

праздник был значимым для Егора Летова, ибо он первым делом поздравил «со светлым праздником Пасхи» посетителей концерта в Кургане в апреле 2000 года и тут же подкрепил своё приветствие песней «Мёртвые», что в контексте победы Христа над смертью выглядело особенно впечатляюще¹. Об этой же победе говорится и в песне «Забота у нас такая».

В переводе с древнееврейского «Пасха» переводится как «переход» или «исход». Переход героев песни «Забота у нас такая» из видимой реальности в пространство мифа сопровождается в песне дважды повторённым Летовым наречием «навсегда». Парадоксальным образом оно объединяет между собой зыбкость и прочность, временное и вечное, ведь радуга, вопреки всему, поднимается над прахом и над кладбищем, а апрель именуется то «безнадёжным», то «негасимым». Как и в «Земляничных полянах» Непомнящего, значение слова «навсегда» двоится, указывая на тщетность человеческих усилий и всемогущество Бога.

Сибирские панки, любящие упразднить различные антиномии, фактически поставили знак равенства между «навсегда» и «ненавсегда». «Ненавсегда» - так называется душераздирающая баллада группы «Чернозём», проникнутая ужасом перед открывающимся подростку осознанием конечности бытия. Потеряв ушедшую из-под ног почву, лирический субъект пытается найти утешение в настоящей любви, но и здесь его настигает ощущение бренности бытия. В то же время, он верит в существование иного мира: «В чьи глаза глядимся-смотримся по пути к родному берегу» [12]. Надежду на продолжение жизни за пределами материальной реальности даёт и оборот «прощай навсегда».

Через несколько лет после записи «Ненавсегда» лидер «Чернозема» Евгений Кокорин переделал неуклюжую строчку «как разлягутся по полям наши косточки игральные» в изящный оборот «и разлягутся в полях белеть наши косточки игральные». Назвать это загробно красивое наблюдение некрореализмом как-то даже не поворачивается язык. К тому же устойчивое выражение «белая кость» означает избрannость.

Итак, в координатах мифологического сознания экзистенциальные панки сумели переплавить страх смерти в несокрушимую веру в бессмертие человеческой души. Благодаря этому бинарная оппозиция навсегда/ненавсегда была упразднена вовсе, превратившись парадоксальным образом в единый комплекс понятий.

Палал прошлогодний снег. Усеянные заиндедевшими костями поля, земляничные поляны под снегом... Действие огромного количества песен авторов летовского круга происходит в чистом поле или на поле битвы. А поскольку, как мы уже выяснили, эти поэты тяготеют к почвенничеству, то события у них нередко разворачиваются в декорациях русской зимы. Образ-символ снега у Егора Летова как-то связан с упразднением видимого мира. Отсылаем к песне «Следы на снегу», проанализировав которую Ан-

¹ А в переиздание альбома «Солнцеворот», которое вышло в 2005-м под названием «Лунный переворот», было включено бонусом стихотворение «Пасха»

на Новицкая сделала веский вывод: «Текст “Следы на снегу” раскрывает тему не-существования реальности. Фактически, реальность подвергается сомнению. Этот текст задаёт вектор летовского творчества на долгое время. В последующие годы, вплоть до 2007, Летов неизменно будет сомневаться в наличии окружающей реальности и доказывать её отсутствие. Апогеем станет альбом “Зачем снятся сны?”, в текстах которого объективной реальности уже не найдётся места» [19, с. 168].

Говоря об особенностях летовского идиостиля, исследователь Елена Шерстнёва отмечает, что многие произведения лидера «ГО» состоят из обрывков чужих произведений, организованных по принципу заговора или детской песенки [30]. Отчасти это справедливо, но, например, «Офелии» [14, с. 259] свойственна неторопливая повествовательность. Текст её вообще выглядит как настоящий бестиарий, где действуют и «пузатый дрозд», и «мохнатый олень», и «дарёные лошадки», что вовсе не отменяет той прострации, в которой оказывается одинокая героиня песни. Впрочем, строчка «привычно прошлогодний нарисованный снег» актуализирует подчёркнутую условность происходящего, апеллируя к постмодернистской идее «жизни в тексте» (правда, скрип снега на зубах актуализирует мотив страдания). «Палал прошлогодний снег» - это сюрреалистический мультфильм Александра Татарского (1983), где есть всё, что так нравилось Летову и его сподвижникам: откровенная условность происходящего («в староглиняные времена, в одной пластилиновой местности»), мирное сосуществование бытового и сказочного пластов, постоянные метаморфозы, вариативность зачинов, абсурдистская атмосфера и повторяющиеся крылатые фразы.

Заглавие мультфильма тоже способно привести в восторг самых взыскательных авангардистов. Мало того, что оно является оксюмороном, так еще и его суть никак не раскрывается в самом сюжете. Это дало повод представителям плеяды экзистенциального панка наделить концепт «палал прошлогодний снег» собственными смыслами. Специфическая атмосфера мультфильма наиболее полно воспроизводится в песне группы «Северное Сияние» «Зимняя (Тихо падает снег)» [1]. Совмещение бытового и сказочного пластов здесь заключается в том, что одновременно описывается сподобившийся Царствия Небесного солдат и его суженая, томящаяся то ли по нему, то ли по какому-то другому «далёкому другу». Непреодолимая пропасть между обоими мирами подчёркивается здесь нагнетанием фразеологизмов, употребляемых в значении «никогда»: «после дожличка в четверг», «любовь без гробовой доски» и «снега прошлогоднего щепотку попроси». Лейтмотивом всего песенного текста является падающий снег, который ассоциируется с душой погибшего солдата.

Обыденное у Ареховского не то чтобы нивелирует героику, но однозначно лишает её подобающего случая пафоса. Ещё более очевидна дегероизация в песне актюбинской группы «Адаптация» «Прошлогодний снег» [9, с. 26]. Тут примерно та же ситуация: солдатская вдова (правда, заметно постаревшая) печалится о своём муже, который охарактеризован достаточно неприглядно: «Это мясо раньше было солдатом, а умом солдатик не

отличался»¹. Такая дегероизация вообще очень свойственна лидеру «Адаптации» Ермену Ержанову – вспомним, например, такие его песни как «За измену Родине» и «Живой». Не ставя под сомнение значимость воинских подвигов, Ермен скорее выступает против официозной псевдопатриотической истерии. Что касается концепта «падал прошлогодний снег», то он здесь, как и у Ареховского, символизирует невозможность («видно что-то где-то там не случилось»), а также используется как примета поражения и победы, которые тут, как и в хрестоматийном стихотворении Бориса Пастернака «Быть знаменитым некрасиво», являются взаимозаменяемыми понятиями («толстокожие удержат столицу, и победа снова будет за нами»).

В координатах победы и поражения описан разбираемый нами символ и в сольной песне гитариста «Гражданской Обороны» Махно (Евгения Пьянова) «Падал прошлогодний снег» из его единственного альбома «Прошлогодний снег» (1997 год) [23]. Смерть героя («выстрелил в упор мой весёлый флаг») изображается здесь вполне летовскими красками. Сравним это с тем, как проанализировала Анна Новицкая текст песни «Гражданской Обороны» «Детский мир»: «Суицид преподносится здесь автором как игровое действие; смерть иллюзорна, она может повторяться, и тогда вызванное ею веселье умножается» [18, с. 206]. К тому же впечатление от описанной в тексте гибели солдата скрашивается «за мороженым» вокалом Евгения Махно, а также новогодним настроением альбома, проявляющемся, например, в размещенной на обложке фотографии Пьянова на фоне заснеженных елок и упоминанием щедрого «шоколадного Деда Мороза» в песне «Ни о чём». К сожалению, альбом оказался для Махно пророческим: 28 декабря 1999 года во время предновогодней вечеринки он выпал из окна и разбился насмерть. Было ли это суицидом, никто уже не уточнит... Но в сентябрьском интервью 1998 года изданию «Омск-информ», отвечая на вопрос о настроении, он говорил: «Подавленное. Ощущается надлом. Есть чувство, что всё дело, за которое боролись, проиграно. Хотя, может, есть смысл надеяться на лучшее» [20].

Как видим, у авторов летовского круга символ падающего прошлогоднего снега имеет достаточно негативный шлейф. Однако не надо забывать о постоянном панковском движении «вверх/вниз», которое наслаивается на любое ключевое понятие их поэзии. Та надежда, о которой робко заикнулся Махно, сполна отразилась в песне «Чернозёма» «Последний снег» [12]. Выше мы говорили о том, что один из фундаментальных законов духовной жизни состоит в том, что в момент наиболее ошутимого духовного опустошения тебе непременно посылается помощь свыше. Так оно и происходит в песне Евгения Кокорина. Когда «всё уже выпили и все уже спели», начинается снегопад, который даёт герою урок нравственной чистоты и смирения:

я подставил щёку он меня посвятил в свою веру,
стрёмно падать и знать что растаешь зазря

¹ Кстати, у этого солдатика определённо есть что-то общее с недалеким хвастуном из мультфильма Татарского.

и я понял тогда от чего мы здесь все почернели
на фоне его незаметным остаться нельзя

Как и в песне «Ненавсегда», Кокорин мастерски совмещает в одной плоскости мимолётное и вечное: вроде бы в душе героя и происходят какие-то радикальные изменения, но это эпизодически, так как последний снег в году сменяется разгулом весны, которая очевидно в данном контексте ассоциируется со страстями и грехом. Будучи посланником небес, прошлогодний снег вновь разминулся с героем, скованным рамками земного бытия.

Итак, падающий прошлогодний снег стирает границы между жизнью и искусством, сном и явью, прошлым и будущим, тем и этим мирами. Оставшийся нераскрытым в контексте советского мультфильма символ поэты летовского круга наделили преимущественно пессимистическими значениями, связанными с бесславной смертью, суицидом и мучительно переживаемой невозможностью установить полноценный контакт с потусторонней реальностью. Появляющиеся в поэзии «Чернозёма» ассоциации снега с Христом слишком зыбки и призрачны.

Прекрасное далёко. Как видим, ставя эксперименты со временем, Егор Летов и его сподвижники обнаруживают в прошлом шлейф негативных ассоциаций, предпочитая жить настоящим, действовать здесь и сейчас. К будущему представители панк-культуры относятся не менее скептически – достаточно вспомнить программный лозунг Sex Pistols «No Future». При желании, в творчестве Летова можно найти иллюстрации к этой истине. «А при коммунизме все будет з...сь» во «Все идет по плану» - явный сарказм. Рефрен «Будет новый день» из песни, посвященной защитникам Белого дома октября 1993-го, звучит жизнеутверждающе, однако слишком уж он контрастен по отношению к описанным в куплетах и предприпевах будням, поэтому воспринимается как горькая насмешка или формальное утешение умирающего.

Завещанием выглядит финальный трек альбома «Гражданской Обороне» «Реанимация» (2005) «После нас», и вот что пишет о нём Юрий Сапрыкин: «Вроде бы и после Летова неплохо устраивается жизнь, и много чего ещё будет: будет новое пальто, будет всякое не то. Мир, составленный из слов, праздник шёпота и снов. Почему-то кажется, что в последней песне с альбома “Реанимация” Летов почти в открытую рассказал, в чём он не будет принимать участия, и что за волшебными крючками, на которых нам так весело сегодня, скрывается лишь оскаленное время да отравленные тени» [24].

Даже пристрастие к поэтике футуристов не избавляет сибирских панков от вселенского пессимизма. Так, вершинный альбом «Будетлянство» группы «Северное Сияние» её лидер Владимир Ареховский сочинял в состоянии глубочайшей депрессии, пережив меньше чем за месяц гибель пятерых близких людей. «Сейчас я его вообще никак не могу оценить», - рассказал он нам в интервью. - Этому есть простое объяснение: в момент, когда я его записывал, я находился в состоянии глубочайшего психического кризиса. Обычные, простые вещи в таком состоянии вдруг становятся непонятными и даже обострённо жестокими по отношению к себе. Каждый предмет, который ты видишь

перед глазами, несёт в себе принципиальную агрессию. В этом состоянии человеку необходимо что-то делать. Можно обратиться к психиатру, можно пойти повеситься или сигануть с крыши, а можно записать альбом. Собственно говоря, это один из выходов. И я его для себя выбрал» [28].

Аналогичное деструктивное состояние психики отражено в песне «Чернозема» «Прекрасное далёко» [12]. Своё недовольство окружающим миром Евгений Кокорин выражает через оксюмороны, к числу которых принадлежит и заглавное понятие, и избыточные в тексте фольклорные обороты, вроде «верстать версту». В тексте присутствуют даже богоборческие мотивы, выворачивающие наизнанку евангельскую притчу о жатве («под божьими цепями цепенеть»). Изнуренный унынием герой даже в перевернутом созвездии Ковша видит приметку духовного опустошения. Он обречён на скорую гибель, но при этом описывает её в категориях народных гуляний – почти как в «Разбойничьей» Владимира Высоцкого. «Прекрасное далёко», куда лирический субъект последует «ногами вперёд», оказывается в одном семантическом ряду с авторскими фразеологизмами, употребленными в значении «смерть»: «кутром в петли нарядимся», «соберу на кулички чертям» и проч.

Почему же милый ностальгический образ из песенки, созданной для советского детского фильма «Гостя из будущего», оказался обременён такими жуткими смыслами? Рискнем предположить, что Евгений Кокорин интуитивно прочувствовал и вскрыл червоточину, заложенную авторами песни «Прекрасное далёко». Первоначально автор слов Юрий Энтин сочинил строчку «он зовёт меня не в райские края» (богоборчество, как и у Кокорина!). И лишь благодаря вмешательству композитора Евгения Крылатова в окончательном варианте появилось: «Он зовёт меня в чудесные края» [22].

Концепцию «Жизни как чуда» вслед за режиссером Эмиром Кустурицей разрабатывал Егор Летов. Чудо – это отнюдь не небесная манна, а то, что требует от человека определенных усилий и готовности поступиться чем-то дорогим ради Божественного вмешательства в свою жизнь¹. «Жду подарков с неба / Как щека пощёчину», - писал Летов в стихотворении «Ночная бабочка мягко шуршит» [14, с. 363]. «Каждая настоящая песня – это чудо. Любое творчество от сердца - чудо. А если его нема, то и цена всему - кусок говна» [21]. При таком раскладе путь в «прекрасное далёко» действительно может сделать странника «чище и добрее».

Этих тонкостей не прочувствовали участники кавер-бэнда «Приключения Электроников». Они перепели «Прекрасное далёко» на одноименном первом альбоме (2001), но заменили «чудесные края» на «волшебные края». Разница колоссальная, поскольку чудо требует от человека напряжения душевных сил и самоотречения, а волшебство, напротив, связано с колдовством, чарами и одурманиванием различными уловками кудесника. Чудо – прерогатива Бога, а волшебство – удел дьявола.

¹ Не потому ли Летову оказался так близок «Звездапад» Пахмутовой-Добронравова, где «даже желанье придумать не просто»?

Зато Глеб Самойлов, которого сложно причислить к экзистенциальному панку, правильно расставил приоритеты, произведя в припеве «Прекрасного далёка» рокировку и получив в результате этих манипуляций новое понятие «Прекрасное Жестоко». Таким образом, он добился эстетизации ужасного. «Или, наоборот, если брать “прекрасное” за подлежащее, то можно понимать в прямом смысле, что всё прекрасное – жестоко. Вся фишка в том, что в этой фразе подлежащее можно менять местами» [27], - объяснил нам Глеб Самойлов. В песне «Водка» он декларативно объединил в единый комплекс понятия «Прекрасное Жестоко», «смерть», «страх», «война» и «предательство». Оперирование этими же концептами, как мы убедились, свойственно и Летову сотоварищи.

Итак, «прекрасное далёко» - это «дверь в лето», открывающая перед творцами мифологическую перспективу. Путешествие в эти запредельные дали может сначала показаться нежелательным и страшным, но чем дальше, тем, как в кэрролловской «Алисе», «все чудасатее и чудасатее». Отсылаем к интервью Егора Летова Максиму Семеляку: «Вокруг нас люди мрут, а нас обвиняют, что мы не умираем. А мы не умираем. Мы не умрём. Я вообще считаю, что я заслужил уже. Я так себя чувствую... таким вечным. То есть я бессмертный человек. Но за это платится определёнными вещами. И в будущем будет платиться. Просто сейчас я не представляю, чем можно ещё платить, что будет дальше. Потому что нагрузка идёт все сильнее и сильнее. А путь всё равно всё интереснее и интереснее, собственно говоря. Как там в “Алисе” сказано? Все ужаснее и ужаснее?

– Все страньше и страньше» [16].

Некоторые предварительные выводы

1. На обломках бережно сохраняемой советской мифологии Егор Летов и его сподвижники творят собственную уникальную реальность, позволяющую им вырваться за рамки стандартных людских представлений. Создание на этом материале неких устойчивых формул, заветных символов не только формирует некий закодированный язык для «своих», но и даёт исследователям ключ к анализу идиостиля подобных авторов. Вычленение и систематизация этих формул позволяет филологам выбрать наиболее адекватный инструментарий для толкования такого рода произведений.

2. Проанализированные в статье авторы воспринимали излюбленные символы не просто как условные книжные фигуры речи, а как нечто сокровенное и имеющее непосредственное отношение к их образу жизни. В напечатанной в буклете альбома «Ненавсегда» истории группы «Чернозём» мы встречаем такие вот пассажи: «Литератора Димку Колоколова после записи альбома “Меч Гамерлана” целиком на его стихи нашли мёртвым под железнодорожным мостом. На его могиле растёт дикая земляника». Или: «Аркадий Кузнецов вываривал старые струны, Кокорин следил за падающими звёздами» [12].

3. Оперирование заветными символами помогает развеять многочисленные заблуждения относительно самого термина «сибирский экзистенциальный панк». Даже прекрасно подготовленные и чуткие исследователи без учета

этих особенностей обречены на роковые ошибки. Так, Елена Шерстнёва в великолепной и богатой на самобытные мысли статье «Кто сказал хой?» сделала в корне неверный, на наш взгляд, вывод: «Осмелимся утверждать, что в таком специфическом отношении к цитате проявилось новаторство Егора Летова в песенном жанре. Интересно, что подобный способ создания песни, несмотря на популярность группы “Гражданская Оборона”, не превратился впоследствии в тенденцию. В среде подражателей Летова продуктивными можно назвать линии псевдофольклорного примитивизма, вербального минимализма в политической песне и пр. В подобном использовании структурных возможностей цитаты Летов не нашёл последователей ни в бумажной поэзии, ни среди тех, кто относит себя к рок-поэтам» [30, с. 269-270].

В чем тут загвоздка? Видимо, по отношению к Летову и творцам его круга абсолютно неуместны такие формулировки, как «учитель и ученики», потому что в самом их творческом методе слишком много иррациональных факторов, которые не исчерпываются одними непосредственными влияниями или заимствованиями. Скажем, в 90-е Владимир Селиванов из «Красных Звёзд» активно разрабатывал символику звездопада, а Летов перепел советскую песню «Звездопад» только в 2002-м, но это отнюдь не значит, что он это сделал под влиянием Селиванова. В свою очередь, летовская интерпретация «Звездопада», вне всякого сомнения, повлияла на позднейшее селивановское творчество. В 2011-м году «Красные Звёзды» записали альбом «Живой» с песней «Вечная мерзлота», где есть строки: «Шкатулки хранят секреты для новых орлят». Разработка символа звездопада продолжилась в другой песне той же пластинки – «Звёздная пыль».

В то же время многим музыкантам, которые формально принадлежат к панк-движению (пусть и не экзистенциальному), эти установки предельно чужды («Приключения Электроников», «Тараканы!»), а творцы, на первый взгляд, далекие от «сибирской волны», мыслят с ними в практически унисон. Глеб Самойлов выстроил первый альбом своей группы «Matrixx» по принципу многих альбомов «Гражданской Обороны», чередуя остросоциальные песни с абсурдистскими стихами свободной формы. А сделав кавер-версию на «Старика Козлодоева» «Аквариума», он употребил принцип коллажа из летовского проекта «Коммунизм»: текст гимна СССР буквально с двумя-тремя косметическими правками, положенный на музыку БГ, превратился в безрадостное повествование о путинской России. Многие эпатажные высказывания Самойлова звучат вполне в летовском духе: так, он однажды на полном серьёзе заявил, что придумал в 1989 году в песне «Сытая свинья» гранж, ничего не зная ни о таком стиле, ни о Курте Кобейне.

Или те же «Смысловые Галлюцинации», которые гордо величают себя «уральскими экзистенциалистами» и пишут по повести Альбера Камю «Посторонний» песню «Утром». Налицо параллели с Егором Летовым. «У Летова действительно есть отсылки к экзистенциалистам. Но если это экзистенциализм, то не экзистенциализм ситуаций в духе Ясперса или Сартра, но экзистенциальная онтология, близкая Хайдеггеру, или, по крайней

мере, “апофеозу беспочвенности” Шестова, а также возможно, отчасти “философии бунта” Камю» [13], - пишет Анатолий Корчинский.

Географический фактор тут второстепенен: мы видели, как описываемый феномен распространяется на минчанина Владимира Селиванова, актюбинца Ермена Ержанова и ковровца Александра Непомнящего. О субкультуре или «литературной школе» говорить тоже нет особого смысла. Скорее, речь идёт об особом художественном пространстве, наподобие «магического театра» Г. Гессе, где плата за вход – разум. Не в психиатрическом, конечно, смысле, а в плане нарушения привычных причинно-следственных связей.

4. Этот «магический театр» обнаруживает много общего с христианским вероучением, которое тоже парадоксально по своей сути (достаточно вспомнить максиму Тертуллиана «верую, ибо абсурдно»). На парадоксальность православия как на его фундаментальную особенность прямо указывали в своих проповедях и книгах такие современные богословы, как протоиерей Владислав Свешников и протоиерей Андрей Ткачев. В этом смысле воцерковление участников групп «Инструкция по Выживанию», «Тёплая Трасса», «Манагер и Родина», «Чёрный Лукич» и др., отнюдь не выглядит популизмом, усталостью или мировоззренческим кризисом, а как раз наоборот...

5. Необходимо выявлять и каталогизировать всё новые и новые заветные символы экзистенциального панка. Назовем навскидку:

- ежик в тумане;
- мышеловка;
- на западном фронте без перемен;
- красное колесо;
- белый свет;
- долгая счастливая жизнь [8].

В общем, всё то, что подпадает под летовскую характеристику:

Слишком хорошо, чтоб отказаться,
Слишком страшно, чтобы взять. [14, с. 93]

Литература

1. *Ареховский В.* Последнее лето детства, Зимняя (Тихо падает снег) [Тексты песен] / В. Ареховский // [Буклет с текстами песен к CD-изданию группы «Время счастливых озарений»] «Северное Сияние». – М: UR-Realist, 2015.

2. *Астафьев В. П.* Звездапад [Электронный ресурс]: Повесть / В. Астафьев // Книгосайт. - Режим доступа: <http://knigosite.org/library/read/20274> (дата обращения 04.10.2016).

3. *Буко А.* Путешествие по саду Девы Марии [Электронный ресурс]: Электронная статья / А. Буко // Terra Mariana: независимый католический портал. – Режим доступа: <http://terramariana.org/index.php/puteshestvie-posadu-devy-marii/> (дата обращения 04.10.2016).

4. *Гененфельд О., Бобунец С.* Звездапад [Электронный ресурс]: Текст песни / О. Гененфельд, С. Бобунец // Яндекс Музыка. – Режим доступа <https://music.yandex.ru/album/63101/track/590539> (дата обращения 04.10.2016).

5. *Гребенщиков Б. Б.* Электрический пес, Генерал Скобелев, Древняя кровь [Тексты песен] / Б. Гребенщиков // Гребенщиков Б. Б. Дело мастера Бо. – Л.: Сестра, 1991. – 319 с.

6. *Гуницкий Дж.* Магистраль. Увертюра [Электронный ресурс]: Текст песни / А. Гуницкий // «Аквариум»: справочное пособие. – Режим доступа: <http://handbook.severov.net/handbook.nsf/?Open> (дата обращения 04.10.2016).

7. *Добронравов Н. Н.* Звездопад [Электронный ресурс]: Текст песни / Н. Добронравов // ГрОб-хроники. – Режим доступа: http://grob-hroniki.org/texts/other/t_z/zvezdopad.html (дата обращения 04.10.2016).

8. *Доманский Ю. В.* Долгая счастливая жизнь: Геннадий Шпаликов, Егор Летов, Борис Хлебников [Электронный ресурс]: Электронная статья / Ю. В. Доманский // Летовский семинар. – Режим доступа: <http://letov.org/contentfiles/texts/seminar15.PDF> (дата обращения 04.10.2016).

9. *Ержанов Е.* Так горит степь, Прошлогодний снег [Тексты песен] / Е. Ержанов // Ержанов Е., Вдовиченко Н., Белканов В., Корнийко Е., Ткачев С. «Мой город будет стоять». – М.: Выргород, 2014. – 116 с.

10. *Иеромонах Досифей Хилендарец* Обновится яко орля юность твоя [Электронный ресурс]: Электронная статья / Иеромонах Досифей Хилендарец // Сайт Свято-Елисаветинского монастыря. – Режим доступа: http://www.obitel-minsk.by/_oid100104649.html (дата обращения 04.10.2016).

11. *Кирло Х.* Звезда [Текст] / Х. Кирло // Кирло Х. Словарь символов. – М.: Центрполиграф, 2010. – 525 с.

12. *Кокорин Е.* Ненавсегда, Последний снег, Прекрасное далёко [Буклет с текстами песен к CD-изданию группы] / Е. Кокорин // «Чернозем». «Ненавсегда». – М.: Выргород, 2007.

13. *Корчинский А.* Обязательная война Егора Летова [Электронный ресурс]: Электронная статья / А. Корчинский // ГрОб-хроники. – Режим доступа: http://grob-hroniki.org/article/2014/art_2014-xx-xxb.html (дата обращения 04.10.2016).

14. *Летов Е.* Энтропия растёт, Отряд не заметил потери бойца, Забота у нас такая, Офелия, Ночная бабочка мягко шуршит, Нечего терять [Тексты песен] / Е. Летов // Летов Е. Стихи. – М.: ХОР, Нота-Р, 2003. – 512 с.

15. *Летов Е.* [Текст песни] / Е. Летов // Летов Е. Автографы. Черновые и беловые рукописи. Том 1. 2002-2007. - Новосибирск: Культурное наследие, 2009. – 196 с.

16. Максим Семеляк разговаривает с Егором Летовым [Электронный ресурс]: Электронная статья / М. Семеляк // Афиша-волна. – Режим доступа: https://daily.afisha.ru/archive/volna/archive/egor_letov/ (дата обращения 04.10.2016).

17. *Непомнящий А.* Земляничные поляны [Текст песни] / А. Непомнящий // Непомнящий А. Стихотворения. – М.: Выргород, 2013 – 236 с.

18. *Новицкая А. С.* Концепт веселья в творчестве Егора Летова [Текст] / А. С. Новицкая // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. – Екатеринбург: Уральск. гос. ун-т, 2011. – Вып. 11. – С. 204-208.

19. *Новицкая А. С.* «Следы на снегу»: анализ одного текста [Текст] / А. С. Новицкая // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. – Екатеринбург: Уральск. гос. ун-т, 2008. – Вып. 8. – С. 166-168.

20. *Осколков М.* К 50-летию Егора Летова: забытое интервью музыканта «Гражданской Обороны» [Электронный ресурс]: Электронная статья / М. Осколков, Е. Пьянов // Омск-информ. – Режим доступа: <http://www.omskinform.ru/news/71289> (дата обращения 04.10.2016).

21. Правила жизни Егора Летова [Электронный ресурс]: Электронная статья / Е. Летов // Сайт Esquire. – Режим доступа: <https://esquire.ru/wil/egor-letov> (дата обращения 04.10.2016).

22. Прекрасное Далёко [Электронный ресурс] Электронная статья // Песни из кино и ТВ. – Режим доступа http://music-facts.ru/song/Pesni_iz_filmov/Prekrasnoe_daleko/ (дата обращения 04.10.2016).

23. *Пьянов Е.* На берегу, Прошлогодний снег, Ни о чем [Буклет с текстами песен к CD-изданию группы] / Е. Пьянов // Махно. «Прошлогодний снег». – М.: BullTerrier Records, 2013.

24. *Сапрыкин Ю.* Солженицын писал о совсем другом [Электронный ресурс]: Электронная статья / Ю. Сапрыкин // Журнал «Сеанс». – 15 февраля 2011 года. – Режим доступа http://seance.ru/blog/letov_saprykin/ (дата обращения 04.10.2016).

25. *Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий).* Евангельское зло: Беседы на Евангелие [Текст] / Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий). – М.: Сестричество во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2013. – 336 с.

26. *Селиванов В.* Звездопад [Буклет с текстами песен к CD-изданию группы] / В. Селиванов // «Красные Звезды». «Смершевы песенки». – Минск, 2009.

27. *Ступников Д.* Глеб Самойлов (экс-«Агата Кристи»): «В новом проекте мы будем играть неопостготику» [Электронный ресурс]: Электронная статья / Д. Ступников // Музыка КМ.RU: сайт. – Режим доступа: <http://www.km.ru/music/53e45d9ed3454a348abe66f771b7cd13> (дата обращения 04.10.2016).

28. *Ступников Д.* Ареховский В.: «За здоровье Лукашенко надо ставить свечи!» [Электронный ресурс]: Электронная статья / Д. Ступников // Inter-View.Org – беседы с интересными людьми: сайт. – Режим доступа: <http://www.inter-view.org/inv/3374.htm> (дата обращения 04.10.2016).

29. *Ступников Д.* Премьера! «Смысловые Галлюцинации» «Обратная сторона Земли» [Электронный ресурс] Электронная статья / Д. Ступников // Музыка КМ.RU: сайт. – Режим доступа: <http://www.km.ru/music/b967ef68081249f28fd709831706a383> (дата обращения 04.10.2016).

30. *Шерстнёва Е. С.* Кто сказал «хой»? (специфика летовского интертекста) [Текст] / Е. С. Шерстнёва // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. – Екатеринбург: Уральск. гос. ун-т, 2014. – Вып. 15. – С. 260-273.